

Чу Цзэшэнь слегка улыбнулся, уголки его губ приподнялись:

— Что тут такого? Это моя компания.

Гу Бай на мгновение потерял дар речи. Эта фраза действительно была универсальной. Раньше он сам часто использовал её, чтобы отбиваться от директоров, пытавшихся вмешаться в управление компанией. Ведь он владел 80% акций, и последнее слово всегда оставалось за ним.

Гу Бай не стал спорить. В конце концов, это всего лишь добавление новой должности на сайте компании. Ему ведь не нужно было идти на работу.

Он полулёг на подушку, взял в руки игровую приставку и отвернулся от Чу Цзэшэня.

Чу Цзэшэнь пододвинулся и сел рядом:

— Ты обиделся?

Гу Бай покачал головой:

— Нет. Это просто обновление на сайте, а не реальная должность. Мне не нужно идти на работу.

Чу Цзэшэнь не ожидал, что Гу Бай сам себя успокоит. Это были те самые слова, которые он хотел сказать. Но теперь в этом не было необходимости — Гу Бай уже сам всё понял.

— Так тебе не нужно идти на работу? — спросил Чу Цзэшэнь.

Гу Бай удивлённо посмотрел на него:

— А разве это плохо?

Кому вообще нравится ходить на работу? Не работать — вот это настоящее счастье. Гу Бай никогда не любил работу.

Чу Цзэшэнь отступил на шаг, не настаивая:

— А если работать из дома?

Гу Бай настороженно посмотрел на него:

— Разве это не то же самое? В чём разница?

Его бдительность была сравнима с Моккой.

Чу Цзэшэнь поднял руку и растрёпал волосы Гу Бая:

— Никакой.

Гу Бай, с растрёпанной шевелюрой, с недоумением смотрел на него. Это была ярость? Не похоже. Скорее, ему просто не нравилось, что Гу Бай не работает.

Он отодвинулся, опасаясь, что Чу Цзэшэнь снова что-то выкинет.

— Ты взял чайный блин, который дедушка бережно хранил.

Гу Бай попытался использовать это как угрозу.

Чу Цзэшэнь признал:

— Ты же видел, как я его взял.

— Я видел, что на нём написано «Не трогать». Ты его тронул.

Чу Цзэшэнь не просто тронул, но и отломил небольшой кусочек, чтобы заварить чай.

Если бы телефон Гу Бая не лежал на столе, он бы сфотографировал это как неопровержимое доказательство.

Чу Цзэшэнь кивнул:

— Да, я заварил чай, и ты его выпил.

Гу Бай поспешно ответил:

— Ты сам мне его дал.

Это была не его инициатива, а вынужденное действие, и между ними была огромная разница.

Чу Цзэшэнь встал:

— Что хочешь на обед?

Смена темы — вот это уже настоящая нервозность.

Гу Бай выпрямился и привёл в порядок свои растрёпанные волосы:

— Я расскажу дедушке.

Кто бы мог подумать, что однажды он сможет пожаловаться старшему. Хорошо, когда есть кто-то, кто может заступиться.

Чу Цзэшэнь выглядел совершенно бесстрашным:

— Говори. Дед, скорее всего, обрадуется.

— Почему он должен радоваться? Ты тайком выпил его любимый чай. — Гу Бай считал, что Чу Цзэшэнь просто сопротивляется без причины.

Чу Цзэшэнь загадочно улыбнулся:

— Почему бы и нет? Это чай, который дед оставил мне как приданое для моей свадьбы. Если бы его выпил кто-то другой, он бы расстроился, но ты — другое дело.

Гу Бай снова потерял дар речи. Они действительно официально зарегистрировали брак, и то, что он выпил это приданое, было вполне логичным.

Он отвернулся, не желая смотреть на Чу Цзэшэня. Сегодняшняя попытка пожаловаться снова провалилась.

Чу Цзэшэнь, глядя на затылок Гу Бая, едва сдерживал смех:

— Что хочешь на обед?

Через некоторое время Гу Бай ответил:

— Кисло-сладкие рёбрышки.

Чу Цзэшэнь с улыбкой направился на кухню.

Они провели в старом доме четыре дня, и вместе с первым днём каникул в честь Национального дня, праздники подходили к концу.

Все эти дни Гу Бай лежал на деревянной кровати, а Чу Цзэшэнь занимался каллиграфией в своей комнате. Благодаря одной фразе Гу Бая, он выложился по полной.

В свободное время они заваривали приданое Чу Цзэшэня. Гу Бай мог обходиться без кофе, пока у него был этот чайный блин.

На шестой день после обеда Чу Цзэшэнь получил звонок, и они начали собираться.

Старейшина Чу вернулся раньше, сев на самолёт два часа назад.

Он вернулся, но они не могли сразу отправиться домой, так как дом ещё не был убран. Пустовавшая почти неделя вилла нуждалась в уборке.

Гу Бай стоял у двери комнаты Чу Цзэшэня и спросил:

— Могу ли я чем-то помочь?

Чу Цзэшэнь переносил вещи из гостевой комнаты в свою. К счастью, они приехали ненадолго и не взяли с собой много вещей, так что переезд в другую комнату был лёгким.

— Скоро закончу.

Гу Бай заметил, что на кровати, на которой он спал четыре ночи, теперь лежала дополнительная подушка, а в шкафу висела чужая одежда.

В первый раз это делал он, а во второй — Чу Цзэшэнь.

Скорее всего, сегодня им предстояло спать на одной кровати.

Мокка, видя, что они заняты, тоже решила помочь, перенесла свои вещи в сторону.

Через два часа старейшина Чу вернулся домой.

Шофёр и дворецкий внесли два чемодана, и, увидев Мокку, встречающую их у двери, старейшина Чу сразу же засмеялся.

— О, моя дорогая Мокка, только ты вышла меня встретить?

Чу Цзэшэнь прислонился к дверному косяку:

— Дедушка, я тоже здесь.

Старейшина Чу не посмотрел на него, глядя Мокку по голове:

— Только что не заметил.

Чу Цзэшэнь не стал спорить. Его дед действительно мог не заметить, ведь это было не впервые.

— А где Сяо Бай? — наконец старейшина Чу взглянул на своего внука. — Ты его не обижаешь?

Чу Цзэшэнь ответил:

— Он внутри заваривает для тебя чай.

Едва он закончил говорить, старейшина Чу быстро вошёл в дом, за ним весело прыгала Мокка.

Гу Бай, увидев старейшину Чу, поспешно встал, но тот прервал его, едва он открыл рот.

— Сяо Бай, ты похудел. Этот негодяй Цзэшэнь плохо о тебе заботился.

Гу Бай: ...

Неважно, уезжал он или нет, но каждый раз, когда он возвращался к старшим, они всегда говорили, что он похудел.

Гу Бай подал старейшине Чу чашку чая:

— Дедушка, вы устали, выпейте сначала чаю.

Старейшина Чу, подойдя ближе, ещё больше убедился:

— Ты выглядишь не так хорошо, как раньше. Я говорил, чтобы повар вернулся, но этот негодяй Цзэшэнь утверждал, что каникулы ещё не закончились, и нужно дать людям отдохнуть. Он сам может готовить. Ну и что? Готовит, готовит, но кто знает, что он там делает. Ох, наверное, ты плохо ел в последнее время.

Чу Цзэшэнь, войдя, услышал эти слова. В последнее время они ели очень хорошо, и еда была любимыми блюдами Гу Бая.

Плохой цвет лица был из-за того, что они прошлой ночью допоздна играли в игры и встали только к обеду.

Гу Бай смущённо посмотрел на Чу Цзэшэня:

— Дедушка, Цзэшэнь готовит очень вкусно.

Старейшина Чу больше не доверял своему внуку и махнул рукой:

— Не защищай его. Перед возвращением я уже вызвал повара, так что ужин сегодня не ваша забота.

Чу Цзэшэнь тоже получил редкий день отдыха и сел рядом с Гу Баем:

— Разве ты не говорил, что останешься на семь дней? Почему вернулся раньше?

Старейшина Чу сделал глоток чая, чтобы смочить горло:

— Дома никого не было, и я беспокоился о вас.

Гу Бай и Чу Цзэшэнь переглянулись. Накануне вечером они разговаривали с ним по видеосвязи, и он тогда говорил, что семи дней может не хватить и он задержится.

Чу Цзэшэнь спросил:

— Что-то случилось в родном доме?

Старейшина Чу махнул рукой:

— Ничего не случилось. Ох, этот чай очень вкусный, Сяо Бай, ты стал лучше готовить.

Смена темы явно указывала на то, что что-то произошло.

Чу Цзэшэнь взглянул на дворецкого, и тот отрицательно покачал головой, намекая, что действительно что-то случилось, но он не мог сказать.

Состояние деда не выглядело затронутым, и сейчас было не лучшее время для расспросов. Придётся выяснить позже.

Чу Цзэшэнь не стал настаивать и просто продолжил пить чай с дедом.

Старейшина Чу заметил на столе рамку для картины и с любопытством взял её, открыл конверт и увидел три изображения.

Характерные черты двух людей и собаки были особенно заметны, и он сразу узнал, что на картине изображены его внук и Сяо Бай, а собака, конечно же, была Моккой.

Взгляд старейшины Чу из любопытства сменился на умиление:

— Вы двое ходили на свидание?

<http://bllate.org/book/15495/1374561>